

ПАТРИЦИЯ МЭТЬЮЗ

ВОЛНЫ
ЛЮБВИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М97

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Patricia Matthews

TIDES OF LOVE

Перевод с английского *М. Кузиной*

Компьютерный дизайн *Г. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения литературного агентства
Pinder Lane & Garon-Brooke Associates, LTD.

Мэтьюз, Патриция.

М97 Волны любви : [роман] / Патриция Мэтьюз ;
[перевод с английского М. Кузиной]. — Москва :
Издательство АСТ, 2024. — 384 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-164252-5

Красавица Марианна Харпер согласилась стать женой капитана Адама Стрита скорее с отчаяния, чем по зову сердца, ибо в душе девушки еще слишком свежа была память о первой любви, которая завершилась трагедией. Но Адам, полюбивший Марианну с первого взгляда, готов приложить все силы, чтобы излечить ее раненое сердце горячими волнами нежности и страсти...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Robert Thixton, 2020

© Перевод. М. Кузина, 2022

ISBN 978-5-17-164252-5

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Волны вздымаются — падают вниз,
С грохотом бьются о берег скалистый.
Дюны — взгляни — желтые, чистые.
Чайки о тучи колотятся мгlistые,
Ветра разносится визг.
Ветром отчаянным небо исхлестано,
Море взирает на небо — не поздно ли?
Время еще ль бушевать?
Пена и брызги сливаются в шторме,
Море бунтует, чернеет — да что ему?
Волны срываются вспять.
Краски небес покрываются серым,
Чаек уносит куда-то на север —
Буря решила восстать.
Долго молчала частица души,
Ныне — свободна, бунтует и дышит,
С сердцем неистово бьется,
Душу сжигает неистовым пламенем.
Страстью, как жаром, мысли оплавлены —
Страстью, горячей, как солнце.
Буря стихает — чайки резвятся,
Сердце готово уже разорваться,
Разум спокойствия ищет.
Солнце садится. Ясное небо.
Вспышки пылавшей — словно и не было,
И в сердце — все тише и тише*.

* Пер. Н. Эристави.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1840 год

АУТЕР-БЭНКС И БОСТОН

Глава 1

Ветер, подхватив пригоршню холодных соленых брызг, злобно взвыл и швырнул их в Марианну. Съежившись, она втянула голову в плечи, и поплотнее закутавшись в свое просторное мужское пальто, поспешно от-вернулась, подставив ветру спину.

Руки, хоть и были в карманах, совсем заledenели, а ноги, пусть даже и обутые в тяжелые сапоги, нещадно ломило от холода.

Шторм разразился ближе к вечеру. Ветер, вздымая огромные рваные волны, швырял их на остров Аутер-Бэнкс, словно хотел стереть его с лица земли. Неистово завывая, вихрем неся он по песчаному берегу.

Если уж внутри хижины было плохо — крыша протекала, а жестокий ветер проникал даже сквозь самые крохотные щели, заставляя дрожать от холода, — то снаружи, на объятom бурей побережье находиться и вовсе казалось сущей пыткой. Марианна давным-давно сбежала бы, если бы не страх перед Иезекииелем Троугом и его головорезами.

Со стороны бушующего моря послышался пронзительный звон корабельного колокола, отчаянный и безнадежный.

Марианну на миг охватило острое чувство жалости к этим несчастным, что через несколько минут разобьются о скалы. Обычно она старалась не забивать голову такими мыслями, но иногда это было выше

ее сил. Стоило ей закрыть глаза, как она видела гибнущий корабль и слышала ужасные крики тонущих людей. А если даже они и не утонут, их добьют люди Иезекииля Троуга. Они никого не оставляют в живых. Они безжалостнее и страшнее бушующей вокруг бури.

Марианна вздрогнула, представив, что сделал бы Иезекииль Троуг, если б вдруг узнал ее тайные мысли: избил бы ее до полусмерти, а то и хуже. И все равно то, чем они занимаются, просто ужасно. Они погубили столько людей!

Нередко ломала она себе голову над тем, как удается Иезекиилю Троугу почти безошибочно узнавать, когда именно мимо Аутер-Бэнкс должен пройти корабль. Словно какие-то злые духи нашептывали ему об этом. От такой мысли Марианна задрожала от страха. А что, если эти духи подслушают, о чем она размышляет? Нет, лучше об этом не думать.

Марианна осторожно выглянула из-за скалы, за которой пряталась от пронизывающего ветра. Футах в двухстах к югу по побережью завесу из поднятого бурей песка и морских брызг прорезал мерцающий желтый свет. Это под яростными порывами ветра раскачивался огромный фонарь, наполненный китовым жиром.

Именно этот фонарь команда корабля обычно принимала за маяк и спешила увести свое судно подальше, чтобы не посадить на мель. Если бы они только знали... Но они ничего не подозревали, и корабль на полном ходу врезался в прибрежные скалы, в клочья раздирая свое днище, а пассажиры и груз оказывались в ледяной воде.

И вот тогда наступало время Марианны и остальных жителей острова браться за работу. Все, от мала до велика, высыпали на берег и выуживали из моря драгоценную добычу, ради которой и шли на это злодеяние. Так они зарабатывали себе на жизнь. Они были грабителями разбитых морских судов или, проще говоря, мародерами.

Внезапно звон корабельного колокола раздался совсем рядом. Этот отчаянный призыв к помощи не смог заглушить даже зловещее завывание бури. Марианне на секунду показалось, что она слышит последний предсмертный крик корабля: похожий на треск мачты и громкий, как выстрел, звук раздираемой о камни металлической обшивки.

В тот же миг по всему берегу раздались выстрелы — это Троуг приказывает браться за работу. Пора!

Отогнав все ненужные мысли в сторону, помня лишь о том, что ей предстоит сделать, Марианна вытащила руки из карманов и, шаркая, побрела к кромке воды, напряженно всматриваясь в темноту, чтобы не пропустить ни одного ящика, ни одного бочонка, ни одного сундука, которые могло выбросить на берег.

Есть! Огромная волна, увенчанная белоснежным гребнем, вынесла к берегу кругленький бочонок.

Марианна ловко зацепила его своим багром и, подтянув к себе, вытащила на сушу и откатила подальше, чтобы волны не утащили драгоценную добычу обратно в море. Выпрямившись, Марианна окинула взглядом берег: то тут, то там копошились люди, в темноте похожие на призраки. Команда Троуга была занята привычным делом.

Закончив возиться с бочонком, Марианна тихонько вздохнула. Когда ее товарищи вытащат на берег все, что можно, и разойдутся по домам, для нее начнется самое страшное.

После кораблекрушений Джуд Троуг бывал особенно ненасытен. Он непременно захочет ее, наплевав на то, что она устала и продрогла до костей. Он берет ее почти каждую ночь, но после кораблекрушений почему-то возбуждается до такой степени — Марианна не могла понять почему, — что насилует ее три, а то и четыре раза за ночь, сжимая с такой силой, что на теле остаются синяки, и Марианне всякий раз кажется, что он ее сейчас раздавит.

Марианна часто жалела, что нельзя на всю жизнь остаться ребенком. Насколько проще ей тогда жилось! Знай себе делай то, что велят, и не болтай лишнего, вот и все.

Но в прошлом году ей исполнилось четырнадцать, и тело ее начало меняться. Налилась грудь, на тех местах, что совсем недавно были голыми и гладкими, появились темные волосы, прежде плоская попка округлилась.

Когда это произошло, мужчины начали с интересом поглядывать на Марианну. Их отношение к ней в корне изменилось. Они больше не называли ее малявкой и не гнали прочь. Наоборот, при виде ее глаза у них делались сальными, а если Марианна проходила рядом, они больно щипали ее. Как же ненавидела она эти щипки!

И вот, когда ей исполнилось пятнадцать, Джуд, сын Иезекииля Трруга, второй после отца человек в поселке, выбрал ее для себя. В день рождения Марианны мать, не особо стесняясь в выражениях, сообщила дочери, что она теперь будет женщиной Джуда.

Марианна не просто испугалась — ее чуть не вырвало от отвращения. Джуд был старым — никак не меньше тридцати, — огромным, грязным, волосатым детиной, с языка которого то и дело срывалась грязная брань. Кроме того, вот уже несколько лет у него была одна и та же женщина, рыжая Дженни, о чем Марианна не преминула напомнить матери.

Та лишь ухмыльнулась и презрительно проговорила: — Дженни ему надоела. Джуд мне сам об этом сказал. Он хочет тебя, моя девочка. Ты об этом не пожалеешь, ведь он сын нашего вожака. Он сильный, и когда Иезекииль умрет, Джуд займет его место. А ты станешь женщиной вожака.

Губы матери растянулись в мерзкой улыбке, и Марианна поняла, что все уже давно решено.

Так оно и оказалось. Ее отдали Джуду Трругу, и он жестоко изнасиловал ее в хижине, где она

жила вместе с матерью, в то время как остальные пили и веселились за перегородкой. Марианне было очень больно и противно. И она никак не могла понять, почему рыжая Дженни горько плакала и смотрела на Марианну так, словно хотела выцарапать ей глаза. По мнению Марианны, она, наоборот, должна была радоваться, что ее больше не мучают так каждую ночь.

Позже Марианна попыталась поговорить с Дженни, но та и слушать ее не стала: влепила пощечину и ушла прочь. Старуха Мэри объяснила ей потом, что Дженни просто ревнует и бесится из-за того, что Джуд вышвырнул ее, взяв себе другую женщину.

Марианна тогда ничего не поняла, да и сейчас не понимает. Если бы Джуд бросил ее, она была бы просто счастлива. Конечно, она и до этого знала, чем занимаются мужчина и женщина, оставаясь наедине: не раз заставала за этим мать, да и других жителей поселка, — но как-то не представляла, что и ей когда-то придется это делать. Однако пришлось, и очень скоро. И это оказалось просто ужасно! Марианна была маленькой и хрупкой, и Джуд по сравнению с ней казался просто великаном. Особенно огромной была та часть его тела, о которой Марианна со временем стала думать не иначе, как о его оружии, поскольку пользовался он им как тараном, когда со всей силы втыкал его в ее нежное тело...

Марианна подцепила багром маленький сундук, который только что услужливо выбросили на берег волны, и, тяжело вздыхая, оттащила его подальше, с горечью думая о том, что сегодня ее ждет очередная жестокая пытка.

Ветер стихал. Правда, время от времени он еще делал попытки сокрушить стены дома, однако с каждым разом они становились все слабее и слабее. Дождь прекратился.

В главном зале дома Трюгов полыхал камин. Тепло от него разливалось по всей комнате, согревая сидевших вокруг промерзших до костей людей. Запах в зале был отвратительным, но Марианна уже давно

притерпелась к нему. Как и остальные, она проглотила причитавшуюся ей порцию рома и принялась тихонько молиться про себя, чтобы Джуд сегодня напился до полусмерти и не смог бы надругаться над ней.

Остальные громко хохотали, кто-то затынул непристойную моряцкую песню, где-то уже назревала ссора. Все орали, стараясь перекричать друг друга.

Марианна сидела тихонько, как мышка, надеясь, что ее не заметят и оставят в покое. Она смертельно устала и никак не могла согреться, несмотря на то что в комнате уже становилось душно.

Стиснутая с двух сторон — с одной старухой Мэри, а с другой матерью, от которых мерзко воняло, — Марианна сжалась к комочек. Может, Господь внемлет ее молитвам, и Джуд ее не заметит.

Ром уже ударил Джуду в голову: он громче, чем обычно, разговаривал со своим отцом.

Как же они похожи, Иезекииль и Джуд Троуги, подумала Марианна. Никогда не скажешь, что это отец и сын: кажется, что они братья. Иезекииль, как и его сын, был очень высоким и сильным, с мощной грудью и огромными жилистыми руками. Иссиня-черные волосы еще не тронула седина, хотя ему уже было далеко за пятьдесят, а глаза, в отличие от его сына, светились яростным огнем. Чувствовалось, что от этого человека лучше держаться подальше.

Марианна боялась и ненавидела Иезекииля Троуга. Свою банду мародеров он держал в ежовых рукавицах, забирая все самое ценное из награбленного для себя и сына и запугивая остальных. Зная его силу и страшные вспышки ярости, никто не осмеливался ему перечить.

Но вместе с тем Иезекииль Троуг сумел отлично поставить дело и не забывал напоминать всем об этом. Он был умен, этот Иезекииль Троуг, и всегда изыскивал новые способы, как посадить корабль на мель и как

10 потом легче разграбить его.

И поэтому мужчины, хотя и ворчали на него порой себе под нос, все равно делали то, что он приказывал. По сравнению с жителями других островов они просто процветали и обязаны этим были только ему, своему вожаку, а что он обворовывает их — так с этим ничего не поделаешь.

От рома по телу разлилось блаженное тепло, да и жар от камина начал наконец оказывать на нее свое благотворное действие, и мало-помалу Марианна задремала. Внезапно она почувствовала, как кто-то схватил ее за руку. Еще не успев до конца проснуться, она очутилась в тисках сильных мускулистых рук.

Она открыла глаза: перед ней маячило пьяное, похотливо ухмыляющееся лицо Джуда. Марианна снова закрыла глаза и вздохнула. Джуд расхохотался и подхватил ее на руки.

— Ну, спокойной ночи, братва. Хотел было с вами еще остаться, ан нет, ничего не выйдет. Сами знаете, как бывает, когда у мужика новая баба! Чем больше она дает, тем больше хочется!

Раздался оглушительный взрыв хохота. Ухмыляясь, Джуд пошел со своей ношей к двери.

Марианна чуть приоткрыла глаза и, наткнувшись на ненавидящий взгляд Дженни, поспешно отвернулась, но встретилась глазами с Иезекииелем Троугом. Его странные серо-зеленые глаза, казалось, светились, как у кота.

Марианну передернуло. Он смотрел на нее точно так же, как Джуд, и это потрясло ее до глубины души. В их банде сильнейший всегда брал себе то, что хотел, а Иезекииль Троуг был среди мародеров самым сильным мужчиной. Однако Джуд был его сыном, а если Иезекииль Троуг и испытывал к кому-то слабость, то только к нему. Не станет же он отнимать женщину у собственного сына!

Однако ухмылка Иезекииля не шла у Марианны из головы, пока Джуд нес ее в маленькую комнату, где стояла их убогая кровать с соломенным тюфяком.

Небрежно швырнув на нее Марианну, он рухнул рядом и, схватив ее за руку, рывком притянул к себе.

Марианна вздрогнула от отвращения, когда его грубые жадные пальцы принялись нетерпеливо расстегивать на ней платье, обнажая грудь.

В комнате было холодно и сыро, и Марианну пробрала дрожь. Она была готова замерзнуть насмерть, только бы Джуд ее не трогал.

Она лежала неподвижно, не в силах сопротивляться грубому натиску, а Джуд между тем задрал ей юбку, расстегнул свои штаны и вытащил огромный член.

Марианна сглотнула и закрыла глаза. У нее не было никакого желания смотреть на эту мерзкую часть тела, способную причинять лишь боль. Она отлично понимала, что мужчины получают удовольствие от совершаемых ими действий, если, конечно, нечленораздельные выкрики и стоны можно назвать удовольствием. А вот чего никак не могла понять, как это могло некоторым женщинам нравиться.

Вот, например, Дженни. Марианне казалось, что та просто счастлива будет отдохнуть от грубых издевательств Джуда Трoуга. Ан нет! Как только Трoуг ее бросил, Дженни тут же перешла в руки Бена Томаса: широкоплечего раздражительного детины. Для Марианны это было непостижимо.

Джуд, сладострастно мыча и постанывая, принялся толкать свой набухший член в Марианну, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Она изо всех сил закусила губу и вцепилась в матрац, чтобы не закричать от боли, пока Джуд, пыхтя и сопя, как огромный, выброшенный на берег кит, разрывал ее маленькое хрупкое тело.

К счастью, все это продолжалось недолго: вскоре он, вскрикнув, содрогнулся всем телом и без сил повалился на Марианну, больно придавив ее.

Через секунду он уже храпел, и Марианна облегченно вздохнула — значит, сегодня повтор

не будет. Она по опыту знала, что теперь Джуд проснется поздно утром.

Она с трудом выбралась из-под его обмякшего тела — казалось, что весит он никак не меньше тонны, — и, отодвинувшись на самый краешек кровати, последовала примеру Джуда и погрузилась в сон: единственное место, где она могла скрыться ото всех.

Когда Марианна открыла глаза, уже рассвело. Сквозь маленькое оконце, расположенное почти под самым потолком, проникал бледный, слабый свет — значит, шторм сменился туманом.

Джуд лежал рядом и, разинув рот, оглушительно храпел. От него отвратительно воняло спермой, ромом и потом.

Марианна брезгливо поморщилась и, сбросив одеяло, соскочила с кровати на старенький ковер. В комнате было ужасно холодно, и, задрожав всем телом, она поспешно натянула одежду и сняла с крючка на стене свое тяжелое пальто. За ночь оно впитало влажный воздух и сначала показалось мокрым, хоть выжимай, но мало-помалу ей удалось согреться. Снять на ночь толстые шерстяные чулки, она не потрудилась, так что теперь оставалось лишь сунуть ноги в стоявшие у кровати тяжеленные сапоги.

Итак, с одеванием покончено, и теперь Марианна готова была встретить новый день.

На стене висело треснувшее зеркало, и, взявшись за дверную ручку, она мельком взглянула на свое отражение: темная грива вьющихся непокорных волос, смуглая кожа, потемневшее от загара лицо. Мать не раз говорила Марианне, что она хорошенькая, однако самой ей нравились у себя только глаза. «Цыганские», как бросил когда-то Иезекииль Троуг, и слова эти прозвучали в его устах оскорблением.

Однако сама Марианна считала, что глаза у нее красивые: огромные, черные, с длинными загнутыми вверх ресницами и четко очерченными бро-

вами. Но вот хорошенькая она или нет, девушка не знала. Впрочем, какое это имеет значение? Женщины здесь отцветали очень быстро. Жгучее летнее солнце, яростные морские ветры, сырые туманы и холодные ночи смывали женскую красоту, подобно морским волнам, набегавшим на прибрежный песок. На островах требовалась сила и выносливость, чтобы выжить. Все остальное было неважно.

Отвернувшись от зеркала, Марианна открыла дверь и тихонько прошла в соседнюю комнату. Ее встретил дружный храп десятков голосов. Большинство из участников вчерашней пирушки лежали там, где их застал сон. Отведя взгляд, Марианна выскользнула из хижины и, осторожно закрыв за собой дверь, с наслаждением вдохнула свежий воздух, влажный и холодный, остро пахнувший морем.

В животе заурчало, и Марианна вспомнила о маленьком бочонке, который припрятала прошлой ночью. Как знать, а вдруг там что-нибудь съедобное?

Иезекииль Труг приходил в ярость, когда члены его банды присваивали себе что-то из награбленного добра, и жестоко избивал за это, однако, если выпадал случай что-то утаить, его никогда не упустили, невзирая на угрозу наказания.

Мужчинам, особенно тем, кто выходил в море на лодках, всегда доставался самый ценный груз, и они прятали все, что могли спрятать. Да и женщины и дети при любой возможности старались припрятать в укромном уголке бочонков или ящик, когда им казалось, что никто их не видит.

В маленьком бочонке, который Марианна закопала в песке, оказались даже не сухари, а сладкое печенье, очевидно, предназначавшееся для капитанского стола. Оглядевшись, девушка принялась горстями запихивать в рот непривычное лакомство. Вскоре живот у нее раздулся, и она ужасно захотела пить.

Тогда Марианна перепрятала бочонок и вернулась в дом, чтобы утолить жажду. К счастью, все еще крепко спали. Отлично! Значит, можно побродить по берегу и посмотреть, что еще услужливо выбросило море, после того как люди разошлись по своим хижинам.

Чувствуя, как охотничий азарт переполняет ее, Марианна кинулась к мирно плещущемуся морю — совершенно непохожему на бурное вчерашнее, — все еще сокрытому пеленой густого тумана. У воды туман немного рассеялся, но она с раздражением поняла, что нечего и думать о том, чтобы найти на берегу хоть что-то, если только она обо что-нибудь не споткнется.

Она пошла вдоль берега и вскоре набрела на точно такой же маленький бочонок, какой обнаружила прошлой ночью, потом на большой ящик, который сама она, как ни старалась, не смогла сдвинуть с места, и красивый розовый флакон, плотно заткнутый пробкой и, к счастью, абсолютно целый.

Марианна повертела прелестную вещицу в руках. Даже в тумане можно было различить, как играют и переливаются его грани. Ей никогда еще не доводилось не то что иметь, но даже видеть подобное чудо.

Пугливо озираясь по сторонам — хотя вряд ли кто-нибудь заметил ее в таком тумане, — она сунула флакон во внутренний карман пальто. Теперь нужно спешить: скоро проснутся остальные, — а ей еще хочется немного походить по берегу — вдруг удастся найти еще что-нибудь хорошенькое. Или лучше сходить домой, взять лом и попробовать открыть тот ящик? Так хочется посмотреть, что там внутри! Как-то море выбросило на берег сундук с одеждой и украшениями, так местные женщины за них чуть не передрались, но потом все-таки помирились и разделили все поровну.

Марианна тогда была еще слишком мала, и ей, конечно, ничего не досталось, но она до сих пор не может забыть платье из ярко-синего бархата, прекраснее летнего неба и мягче птичьего пуха.